

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

У королевы
древнего племени
был необычный кубок,
обладавший
удивительными
свойствами...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

**Кубок королевы
Розамунды**

Артефакт & Детектив

Наталья Александрова

Кубок королевы Розамунды

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Александрова Н. Н.

Кубок королевы Розамунды / Н. Н. Александрова — «Эксмо»,
2022 — (Артефакт & Детектив)

ISBN 978-5-04-169443-2

Королева варварских племен Розамунда обладала не только красотой, но и хитрым изворотливым умом. Она жестоко отомстила своему мужу, вождю лангобардов, а потом отправилась в Византийские земли, прихватив с собой золото и кубок, сделанный из черепа отца... В наши дни древний артефакт с красными рубинами в глазницах, обладающий мистическими свойствами, попадает к Марианне. Она уверена, что это ее муж Андрей виновен в смерти любимого отца, и хочет совершить кровавую месть... Артефакт&Детектив – это серия для читателей с тонким вкусом. Загадки истории, роковые предметы искусства, блестящая современная интрига на фоне изысканных декораций старины. Сюжет основан на поисках древнего артефакта. Артефакт - вне времени, и кто знает, утихнут ли страсти по нему в новом столетии?!

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-169443-2

© Александрова Н. Н., 2022
© Эксмо, 2022

Наталья Николаевна Александрова

Кубок королевы Розамунды

© Александрова Н.Н., 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

Марианна не поверила своим глазам.

Что же, что это такое? Что, в конце концов, он себе позволяет? Это переходит уже всяческие границы!

Очевидно, она вздрогнула, потому что розовое шампанское из бокала, который она держала в руке, едва не выплеснулось на Вячеслава, и, хоть он отскочил, все же несколько капель попало ему на рукав пиджака.

– Простите! – опомнилась Марианна. – Какая я неловкая...

– Ничего страшного! – он улыбнулся кривоватой неискренней улыбкой.

Ага, стало быть, расстроился, что испорчен его супердорогой пиджак. Ну еще бы – весь с иголки, лощеный такой, прическа – волосок к волоску, гладкий весь, руки ухожены, но крепкий, когда выходили в холл из-за стола, поддержал ее твердой рукой. В спортзал, конечно, ходит каждую неделю, тренируется интенсивно, следит, чтобы не было лишнего веса. Зубы – идеально ровные и белые, настоящая голливудская улыбка. Хорош, в общем. Сразу видно, что заботится только о себе, любимом.

А тут такая неприятность – пара пятен на рукаве.

– Нужно замыть, чтобы не осталось следов, – подсказала Марианна.

– Извините! – он развернулся и направился в конец холла, стараясь идти не слишком быстро.

Так, этому повезло, его смена закончилась гораздо раньше, чем намечалось.

Марианна улыбнулась, глядя ему вслед. Она давно уже разгадала тактику поведения подчиненных ее мужа.

На корпоративных банкетах или еще каких-то мероприятиях к ней время от времени подходили его сотрудники, говорили незамысловатые комплименты, завязывали легкий, ничего не значащий разговор, приглашали танцевать. Все это ровным, приветливым тоном.

Комплименты были дежурные, ничего не значившие, танцы – не больше одного, и все общение продолжалось не больше десяти минут, после чего этот сотрудник ретировался под каким-нибудь подходящим предлогом и в дело вступал следующий. Этакая карусель.

В общем, чувствовалась опытная организаторская рука.

В самом деле, не стоять же жене владельца фирмы, как последняя дурнушка, у колонны, подпирая стену. Как это в старой-престарой песне поется: «Стоят девчонки, стоят в сторонке, платочки в руках теребя...» и так далее.

Знакомых у нее в фирме никаких нет, она не из тех жен, которые едва ли не каждый день навешиваются в офис к мужу, знают всех его сотрудников по именам, задаривают секретаршу духами и конфетами и пьют чай в бухгалтерии с целью выяснить намерения и степень опасности молодых сотрудниц. Как известно, в бухгалтерии все про всех знают.

Так вот, кто-то и организовал эту трудовую повинность: развлекать жену хозяина.

Ничего, десять минут потерпеть можно. А дольше и не нужно, а то еще подумают что-нибудь не то. А так все довольны: и сам хозяин, и сотрудники, и жена его вроде бы при деле. И даже есть у Марианны подозрения, кто это все организовал: бессменная секретарша мужа Антонина Павловна. Ну, эта все сможет и все успеет, за всеми уследит. И не секретарь она вовсе, а главный помощник.

Марианна изредка представляла себе такую картину: перед очередным корпоративным праздником ребята собираются и разбирают дежурства по жене хозяина: кто первый, кто

последний, кто ее развлекает разговорами, кто ее танцует, кто шампанского подливает. А Антонина все аккуратно записывает в блокнотик, и уж будьте спокойны, если что не так пойдет – она все заметит. И припомнит потом, хозяину фирмы шепнет ненароком или просто пропустит в списках на премию. Побаиваются ее сотрудники, это даже Марианна знает, муж как-то проболтался.

Но сегодня что-то ее не видно. Зато мелькнул вдалеке Дронов. Вот уж неприятный тип, хотя лично Марианне он ничего плохого не сделал. Даже не разговаривали они ни разу.

Дронов числится в фирме заместителем директора по безопасности и не входит в число сотрудников, которым положено развлекать Марианну. Да и хорошо, а то и не представить, что с этим Дроновым можно общаться: взгляд жесткий, волосы черные, гладкие, и одна седая прядь висит надо лбом.

Старательно удерживая на лице приветливую улыбку, Марианна отвела взгляд от спины Вячеслава и натолкнулась на взгляд одной девицы из... какого же отдела... да без понятия. Она встречала ее пару раз на прежних корпоративах. Довольно противная, и нос слишком длинный, иногда даже кажется, что кончик шевелится, как будто вынюхивает что-то, как любопытная крыса.

И сейчас увидела, что Марианна осталась одна, и уже сделала шаг к ней, чтобы, надо думать, завести разговор. И ясно о чем: о безобразном поведении мужа.

Марианна поскорее отвернулась, чтобы никто не увидел ее лица.

Нет, ну что же это такое! Это переходит уже всяческие границы!

Это новая сотрудница, во всяком случае, Марианна ее раньше не видела. Интересная, очень яркая брюнетка, если и моложе самой Марианны, то ненамного, у брюнеток возраст трудно определить, они часто выглядят старше своих лет. Даже, кажется, ее представляли сегодня.

Ах да, муж что-то там говорил в приветственной речи. Наша Алена... – что-то там она сделала для фирмы. Марианна не поняла, да и не прислушивалась, о своем думала, и только по слишком угодливому, ненатуральному смеху поняла, что что-то не так. Но это потом, когда не могла не заметить слишком явные знаки внимания, которые этой... как ее... Алене оказывал муж.

Как только закончилась официальная часть и все, кому положено, произнесли приветственные речи, муж пересел к этой Алене и всю дорогу шептал ей что-то на ушко, подливал ей вина, тискал ее руку и (уж Марианна это точно знала) шупал под столом ее за коленку. И все это под ее, Марианниним взглядом, как будто нарочно посадили эту девку почти напротив! Черт, до чего же противно!

Но, как выяснилось, это были еще цветочки.

Когда вышли из-за стола, Марианна хотела улучшить минутку и переговорить с мужем, хотя и знала, что делать этого не следует. То есть он не терпит, когда ему указывают. Она вовсе не собиралась устраивать скандал – еще не хватало, на людях-то. Но просто отвлечь пустяковым разговором, шуткой.

Но тут ее, как назло, перехватил Вячеслав, пригласил танцевать, принес шампанского, молот какую-то чушь, и она упустила момент. Теперь же эти двое вели себя просто неприлично. Муж открыто девицу обнимал, мусолил ей ухо и чуть ли не голову сунул в декольте.

Да что на него нашло? Выпил лишнего? И для чего эта девка так открыто его поощряет?

Пару раз еще за столом она ловила на себе взгляды этой Алены. Смелые взгляды, уж слишком в себе уверенные. Дура? Да непохоже. Хищный такой взгляд, неужели решила, что хозяин фирмы – это легкая добыча?

Больше всего Марианна возмутилась, что все это происходит на публике. При всем честном народе, как говорится. Вот для чего муж-то все это затеял? Обычно он всегда знает, чего хочет. Увлёкся так, что потерял голову и представления о приличиях?

Нельзя сказать, что это было для Марианны откровением, она знала, что муж бывает ей неверен. И если честно, то не слишком переживала по этому поводу.

Делал он такое редко и никогда специально не афишировал. В первый раз она узнала об этом случайно – прочитала пару эсэмэсок, когда он был в душе. Во второй раз кто-то позвонил женским голосом и наговорил гадостей. Марианна не стала тогда ничего выяснять, просто бросила трубку, а потом только наблюдала.

И через некоторое время могла уже с уверенностью сказать, когда у него появлялась новая пассия и когда все заканчивалось.

Обычно это продолжалось не больше месяца, самое большее – полтора, то есть ничего серьезного. Марианна относилась к этому не то чтобы спокойно, но довольно равнодушно. Не трогало ее это, не было никакой ревности.

Иногда ей казалось, что муж в курсе ее наблюдений. Как в старом итальянском фильме: «Я знаю, что ты знаешь, что я знаю». Там-то все кончилось хорошо...

Марианна очнулась от несвоевременных мыслей и снова перехватила пристальный взгляд той девицы с крысиным носом. Смотрит прямо как подружка закадычная, утешить хочет. Господи, неужели всем все настолько понятно...

Марианна сделала неприступное лицо. И куда это Вячеслав запропастился? Весь пиджак в раковине стирает, что ли...

А она тут должна маячить у всех на виду, как полная дура.

Марианна почти с нежностью подумала о помощнице мужа. Вот была бы Антонина Павловна здесь, уж мигом бы ситуацию разрулила! Не допустила бы такого безобразия.

Ну вот, идет все же сюда эта крыска, не понимает намеков. Куда от нее спрятаться? В туалете найдет, в зале, где стол, горячее накрывают, туда не пройти сейчас.

Марианна отвернулась и пошла в сторону, рассеянно улыбаясь сотрудникам. Никто на нее особенно не смотрел, все были заняты неформальным общением.

Стараясь увернуться от этой девицы с крысиным носом, она обогнула большое растение в кадке, увидела свое отражение в зеркале, что висело за ним, и ужаснулась несчастному, затравленному выражению собственного лица. Нет, нужно немедленно взять себя в руки, а для этого побыть наедине хоть пять минут.

Не получилось. Потому что, когда она сунулась в первую дверь, которая оказалась как раз за зеркалом, то увидела там крошечное помещение, где помещался только стол с выключенным монитором и еще какие-то кнопки и тумблеры.

А на столе сидела та самая брюнетка, платье на ней было расстегнуто, и муж одной рукой лапал ее оголенную грудь, а другой – что-то делал с ее ухом. Он стоял спиной к двери, но эта стерва все же дернулась от неожиданности и даже вскрикнула, как потом оказалось, не от страха, а от боли. Он уколол ей ухо, поскольку пытался вдеть в него серьгу. И очевидно что-то почувствовал, потому что повернулся круто и встретился взглядом с Марианной.

– Что это, что? – Потом она простить себе не могла, что не развернулась и не ушла сразу же.

Казалось бы, чего проще – надеть пальто да и уйти прочь, пускай муж потом сам разбирается. Или даже не связываться с пальто, просто выскочить на улицу, найти их машину и велеть водителю Юре ехать домой. На улице, хоть и холодно в конце ноября, но все же не мороз, до машины дойти можно.

Но эти здравые мысли пришли потом, ночью, даже утром или вообще на следующий день. А сейчас Марианна просто застыла в дверях в полной растерянности. Что там ни говори, а она не ожидала все же от мужа такого свинства.

Муж повернулся и уставился на нее с наглой усмешкой.

– Что это такое? Сама не видишь? Мозгов и на это не хватает?

Ее оскорбили не столько его слова, смысл которых до нее дошел только потом, сколько его тон. И эта усмешка, а главное – взгляд этой стервы. Полный презрения торжествующий взгляд.

Теперь невозможно было просто уйти, поскольку ноги ее приросли к полу. Голова закружилась, перед глазами поплыли красные пятна, она просто не смогла бы сделать ни шагу. И сосредоточилась только на одном: чтобы не упасть вот тут, прямо у их ног.

– Что стоишь, что смотришь? – муж отошел от стола и сделал шаг к ней. Комнатка была маленькая, так что он оказался достаточно близко. – Шпионишь? Выслеживаешь? Подсматриваешь за другими? Больше ни на что не способна?

– Как ты смеешь, как ты смеешь так разговаривать со своей женой... – она хотела сказать это твердо, но только прошелестела что-то невразумительное.

Но он понял. Понял и расхохотался:

– Женой? Ты сказала – женой? Да ты никто и звать никак, если захочу – завтра же выгоню тебя голой!

Она хотела сделать шаг назад, но проклятые ноги не двигались. Муж поднял руку, чтобы вытолкнуть ее за дверь, ей показалось, что сейчас он ее ударит, с непонятной силой она толкнула его в грудь, поскольку сама не могла отойти. Он отшатнулся назад и задел стол, с которого упало на пол что-то маленькое и блестящее.

– Ах так... – протянул муж не своим низким, а каким-то свистящим, змеиным голосом. – Тогда запомни, запомни крепко: я буду делать все, что захочу! И ты мне никогда не сможешь помешать! Поняла – никогда! А теперь подними! – он кивнул на пол и приблизил свое лицо, так что на нее пахло несвежим запахом спиртного и еще чего-то дикого, звериного, страшного.

И тогда она увидела его глаза – совершенно белые от ярости. И еще там была абсолютнейшая уверенность, что он верит в то, что говорит. Что так и будет, он сделает с ней все, что захочет, и никто не сможет ему помешать.

– Подними, я сказал! – повторил он, и она поняла, что если этого не сделает, он ее ударит. И будет бить: кулаком по лицу и в живот, а потом, когда она упадет, ногами.

Он никогда этого не делал раньше, но она знала, что так будет. Что он может это сделать, если пожелает, и никто ему не помешает. И все это делает он на глазах у своей девки. И если еще кто-то будет рядом, это его не остановит.

И она наклонилась, игнорируя пульсирующий шум в ушах и боль в висках, и не сразу нашла на полу серьгу, поскольку в глазах двоилось, но все же сжала ее в кулаке и разогнулась. И протянула ее мужу, раскрыв ладонь. И увидела.

– Но это же... это...

Веточка тонкой старинной работы, белое золото и два камушка в виде плодов, два изумруда: сверху поменьше и более светлого оттенка, снизу – побольше, густого сочно-зеленого цвета, цвета моря в районе островов в Адриатике.

– Не может быть... – рука ее предательски задрожала, сережка снова упала на пол.

Марианна шагнула назад к полуоткрытой двери и упала без чувств на руки той самой девицы с крысиным носом, которая подслушивала под дверью.

Олеся, менеджер из отдела продаж.

Марианна очнулась от тихих, деликатных шагов. Кто-то ходил рядом, звякнуло стекло, проскрипели шторы. Такие знакомые звуки, значит, она дома, в собственной спальне.

С трудом она открыла глаза, что-то липкое склеило ресницы. И кожу на лице стянуло, как будто день провела на морозе.

Марианна пошевелилась и невольно застонала. Голова взорвалась резкой болью.

Тотчас вспыхнул нестерпимо яркий светильник под потолком и подскочила Лизавета.

– Марианна Петровна, вы проснулись?

– Убери немедленно свет, – Марианна сама не узнала свой голос, – и дай воды.

– Сейчас! – Лизавета, как всегда, слишком много суежилась, однако все сделала, как велели.

От холодной воды Марианне немного полегчало. Не то чтобы в голове полностью прояснилось, однако можно было осмотреться и даже сесть на кровати.

Лизавета подскочила, чтобы предложить помощь, но Марианна отмахнулась – сама. Это плохо ей удавалось, но все же она смогла сесть и оглядеться. Собственно, смотреть было не на что – знакомая до мелочей ее спальня.

Лизавета порядок навела, только вот на столике у кровати какие-то пузырьки и лекарствами пахнет.

– Что со мной? – невольно спросила Марианна, хотя Лизавета вовсе не тот человек, с которым хотелось ей откровенничать.

– Ой, Марианна Петровна! – Лизавета всплеснула руками. – Вам вчера в ресторане плохо стало, сознание вы потеряли, хотели там прямо «Скорую» вызвать, но Андрей Сергеич сам вас в чувство привел и велел домой везти. Вот Юрка вас и привез, а тут уж вызвали Вильяма Шакировича, он ночью приехал, укол вам сделал и посидел еще часик, пока вы не заснули. А потом, говорит, не будите, пока сама не проснется. Вот я и хожу тихо, чтобы не беспокоить...

– Который час? – Марианна спросила просто так, чтобы остановить Лизаветину болтовню, от которой звенело в ушах.

– Одиннадцать без пяти...

Для нее это было позднее утро, никогда так долго не спала. Да и сегодня не сон это был вовсе, а как провалилась куда-то в черную дыру. Что ей вкололи? Наркотик какой-то?

Она выпила еще воды, посидела немного, ожидая, когда комната перестанет кружиться, как детская карусель. Очень просто: нужно сидеть тихо и ждать, тогда вещам вокруг надоест хулиганить и они успокоятся. Вот еще бы Лизавету приструнить, чтобы не стрекотала как сорока. Но это сложнее.

– Андрей Сергеевич ушел уже? – спросила она, хотя ей очень не хотелось этого делать.

Само имя мужа не хотелось произносить, с трудом заставила себя шевелить губами.

– Да что вы, он спит еще... – затараторила Лизавета. – Сегодня же воскресенье! Оттого банкет назначили на субботу, чтобы можно было отдохнуть потом!

– Ах да... – в голове всплыли обрывки воспоминаний, постепенно складываясь в целостную картину.

Вот она стоит в холле с бокалом шампанского и видит вдали мужа с какой-то брюнеткой... вокруг шум, блеск, сотрудники смеются, кто-то танцует... дальше все очень плохо.

– Может, снова приляжете? – заботливо спросила Лизавета. – Что-то вы побледили. Доктор сказал – вам сегодня лучше полежать, отдохнуть... раз такое дело, что в обморок вы упали...

– Не помню, – на всякий случай сказала Марианна, – из вчерашнего вечера ничего не помню.

– Доктор сказал – это вполне может быть! Очень даже запросто! Такое часто бывает! – Лизавета тараторила без умолку, как сорока.

Чтобы остановить ее, Марианна попыталась встать, невзирая на протесты горничной.

Кое-как она доползла до собственной ванной и уставилась в зеркало. Вид был ужасный, но, как оказалось, просто потому, что не смыла вечером косметику. Лицо после лосьонов и тоника выглядело бледным и осунувшимся. Что ж, это нормально.

Марианна прикинула свои реальные возможности и решила, что душ не потянет, свалится прямо в кабинке. Так что просто умылась холодной водой и расчесала волосы. И снова вернулась в постель, оправленную Лизаветой.

– Вам завтрак принести? Или просто кофе?

При мысли о кофе Марианна ощутила сильнейшую тошноту и отказалась. Лизавета наконец убралась, принеся стакан воды со льдом и лимоном, и Марианна дала волю воспоминаниям.

Отчего-то ей казалось важным восстановить в мельчайших деталях и подробностях все события вчерашнего вечера. Значит, так: вчера муж вел себя безобразно. Начать с того, что он лип к этой брюнетке... как же ее звали...

От напряжения голова снова взорвалась болью, но усилия не прошли даром, Марианна вспомнила имя – Алена. Она посчитала это хорошим знаком, и, действительно, дальше дело пошло быстрее.

Значит, она стояла с очередным дежурным сотрудником мужского пола, потом он куда-то испарился, и она, не в силах вынести насмешливые взгляды сотрудников, попыталась спрятаться, а вместо этого застала мужа с этой... с этой... опять имя вылетело из головы.

Господи, какая же она дура! Нужно было уйти из этого чертова ресторана сразу, как только вышли из-за стола. И ничего не говорить мужу. Какое ей дело, в конце концов, до того, что подумают его сотрудники! Да она их видит раза три в год!

Марианна откинулась на подушки и закрыла глаза.

И тут же перед ней предстала та же картина: как муж с совершенно белыми от ярости или от безумия глазами надвигается на нее и выплевывает прямо в лицо ужасные слова. И эта его уверенность в том, что он может сделать с ней все, что угодно, и ему никто не помешает. И ее страх. Страх, потому что она ощутила тогда абсолютную свою беспомощность перед этим человеком. Что с ним случилось? За что он с ней так? Ведь она же ничего ему не сделала...

Они женаты... ну да, больше четырех лет, и не было никаких особенных между ними конфликтов. Марианна старалась сглаживать все трения, да если честно, не настолько они близко общались, чтобы было из-за чего ссориться.

Муж много работал, сам говорил, что бизнес не дает расслабляться. Также он развлекался в мужской компании, да и не только в мужской, как скоро заметила Марианна.

Она быстро смирилась с его неверностью. Потому что совершенно не ревновала. Потому что довольно быстро поняла, что мужа не любит. Вот совсем. Нисколько.

Ну что ж, она приняла это к сведению и обдумала сама, поскольку советоваться ей было не с кем, не к психоаналитику же идти. И решила смириться с существующим положением вещей.

Разводиться? Зачем? Ей некуда пойти, а муж уж точно при разводе отдаст ей крохи, только чтобы с голоду не умерла, бизнес делить не позволит. У нее нет родителей, нет ни братьев, ни сестер, даже двоюродных. И друзей близких тоже нет, так уж сложилась жизнь. Так что лучше ничего не менять.

И она выработала в общении с мужем ровный приветливый тон, проявляла заботу – спокойно, без суеты, не перегибая палку, чтобы он не раздражался, не надоедала по пустякам. В общем, сглаживала углы, никогда не спорила, не отказывалась пойти с ним на официальные мероприятия, там тоже вела себя ровно, сдержанно. Это было нетрудно.

Сложнее было с сексом. Но муж не слишком часто посещал ее спальню и в первый год, а потом уж бывало, что и раз в месяц зайдет. В общем, можно привыкнуть.

Иногда появлялась мысль о том, что неужели так будет всегда? Ровная спокойная жизнь – ни забот, ни увлечений. Ни любви, ни страсти, вообще никаких сильных чувств. Ну что ж, очевидно, ей не дано. Да и кто сказал, что это необходимо?

И вот вчера все внезапно изменилось, вся ее налаженная спокойная жизнь полетела ко всем чертям. Потому что после того, что муж устроил вчера, после того, как он публично ее оскорбил, унизил, все не может оставаться как прежде.

Она знает, знает, какие демоны скрываются у него внутри и когда-нибудь вырвутся наружу.

Как он смотрел на нее! И, боже мой, что он кричал ей! При своей девке... как же ее... снова выскочило из головы имя.

И та, с крысиным носом, вот сейчас Марианна вспомнила ее лицо, которое увидела, когда выскочила из той комнатушки. На лице этом была самая настоящая радость.

Еще бы – такое увидеть собственными глазами. И еще в ее глазах было предвкушение удовольствия рассказать всем сотрудниками. Уже небось разнесла по всей фирме. В подробностях всю сцену описала да от себя еще прибавила.

Да, в конце концов, какая теперь разница? Марианна осознала, что ее это совершенно не волнует. На самом деле было что-то еще, гораздо важнее. Что-то очень важное.

Она открыла глаза и села на постели, отбросив одеяло.

Сережки! Вот эта самая изумрудная серьга, которая упала на пол, и муж заставил ее, Марианну, серьгу поднять. И подать покорно его девке, а та... та засмеялась презрительно. Это ли не унижение? Ну да, конечно, но серьга... сама эта серьга...

Старинная, очень тонкой работы веточка из белого золота и два изумруда в виде плодов, один более светлого оттенка и поменьше, а второй, чуть ниже – более темный, цвета Адриатического моря в полдень, и такой крупный, яркий.

Марианна видела серьгу близко, держала ее в руках и запомнила отлично, разглядела мельчайшие детали.

Это те самые сережки, она уверена. Ошибиться она не могла. И именно от осознания этого факта она потеряла сознание. А вовсе не от страха и унижения.

Вот так вот. Но каким образом серьги попали к мужу? Откуда он их взял?

Эти фамильные серьги старинной работы должны были перейти к ней, отец так и сказал: это будет тебе подарком на двадцатипятилетие. Вещь очень дорогая, уникальная, знающие люди высоко оценивали работу и камни.

Отец тогда сказал, что очень надеется, что дочь их сбережет, сохранит и передаст потом своей дочери. Серьги – вещь старинная, принадлежали их семье, сколько он, отец, себя помнит. Передавались по наследству. Марианна видела их несколько раз, однажды, лет в пятнадцать, решила померить без спросу. Ох, как влетело ей тогда от отца!

Это, сказал, не игрушки-побрякушки, чтобы перед зеркалом крутиться и подружкам хвастаться, придет время – непременно твои будут. А пока забудь и думать.

Отец был суров, но ее любил, потому что никого у них двоих не осталось, когда мама умерла.

После его смерти серьги пропали...

И вот теперь...

За дверью послышались тихие крадущиеся шаги. Да толку-то, Марианна прекрасно знает, что это Лизавета, только она так тапочками шаркает.

Марианна едва успела нырнуть под одеяло и отвернуться к стене.

– Марианна Петровна, вам что-нибудь надо? – прошептала Лизавета и, не услышав ответа, сказала куда-то в коридор: – Спит она, доктор сказал, что сегодня целый день так будет.

– Не трогай ее, пускай спит, – прогудел голос мужа издали, и Марианна едва сдержалась, чтобы не вздрогнуть.

– Она сказала, что ничего не помнит, что вчера случилось, – продолжала Лизавета, – отчего она в обморок упала.

– Ну и ладно, ты, главное, следи, чтобы она таблетки пила, что доктор прописал. Если забудет, ты напоминай почаще...

И муж ушел, тяжело ступая. Вот как, даже к постели не подошел, не удостоверился, что жена в порядке. Впрочем, после вчерашнего это неудивительно.

А Лизавета ему все докладывает. Были у Марианны подозрения на этот счет, поскольку работала горничная у мужа давно, раньше, чем Марианна в этот дом вошла. Ну ладно, будем иметь это в виду. И насчет таблеток тоже.

Этот день она провела в постели, притворяясь, что дремлет, отмахиваясь от Лизаветы с ее показной заботой. Приходил доктор Вильям Шакирович – средних лет крепкий мужчина с седыми волосами и яркими темными глазами. Не то армянин, не то еще какой-то восточный человек, у них раньше модны были разные литературные имена типа Гамлета и Беатриче, так что Марианна изредка ошибалась и называла его Вильямом Шекспировичем. Доктор только качал укоризненно головой, но было видно, что обижается.

Сейчас он сидел возле ее кровати и держал за руку, считая пульс. Лизавета наконец убралась из спальни.

– Как мы себя чувствуем? – задал доктор традиционный вопрос, и Марианне захотелось ответить в том же духе: «Как вы – не знаю, а я так не очень».

Вместо этого она пробормотала что-то про слабость и тошноту, что было, в общем-то, правдой.

– Ай-ай-ай... – доктор покачал головой. – Нужно себя преодолеть, нужно поесть, выпить кофе, сразу придет бодрость... Либо укольчик сделаем...

– Не надо уколов! – встрепенулась Марианна. – Лучше уж таблетки. Кстати, что это?

– Всего лишь легкое, совершенно безобидное успокоительное... – утешил ее доктор. – Мы понервничали, переутомились, там в ресторане было душно, шумно, музыка громкая играла, вот мы и упали в обморок...

Он взял ее за руку, выслушал пульс и добавил:

– Ничего страшного, попьем немножко таблеточек – все и пройдет. Мы ведь не беременны?

«Я – нет, а вы на всякий случай проверьтесь», – захотелось ответить Марианне, она удержалась в самый последний момент и только покачала головой.

– Ну, вот видите, значит, это пустяк и все скоро пройдет! – обрадовался доктор.

А вот интересно, он в самом деле так считает? Что вот если ни с того ни с сего здоровая молодая женщина грохнется в обморок, то это пустяк, не заслуживающий внимания? Потому что вряд ли доктор знает, что послужило настоящей причиной потери сознания. Уж муж точно ему ничего не сказал, а больше-то и некому... Лизавета тоже не знает, а больше он ни с кем не общался.

После таблетки Марианна сразу же заснула и проснулась к вечеру. Голова была тяжелой, однако не кружилась. Но все было безразлично, так что на всякий случай она решила больше таблеток этих не пить. Одно хорошо: муж больше не заходил. Где он находился, Марианне было все равно.

Вечером Лизавета принесла ужин. Марианна поковырялась в салате, съела сухарик и отдала тарелку. Таблетку она спрятала за щеку, а потом спустила в туалет. С этой заразы Лизаветы станется проверить. Небось пересчитала уже все таблетки.

И, разумеется, вечером Марианна долго не могла заснуть. Ну еще бы – целый день в постели проваляться.

События предыдущего дня мучили ее, душили своей безысходностью. Она уже пожалела, что спустила таблетку в унитаз, хотела встать, найти воды, принять еще, но не было сил подниматься, включать свет, искать... И тут вдруг милосердный сон сжалился над ней.

Ей снилось, что она – маленькая девочка и идет по лесу, по извилистой таежной тропке среди кедровника. Под ногами у нее ярким пламенем пылают жарки, где-то высоко в ветвях деревьев резко и зло хохочет сойка.

И во сне Марианна совсем не удивилась такой картине, потому что ей все было знакомо, она ведь родилась в Сибири, и природа эта была привычна ей с раннего детства.

Во сне маленькая Марианна не одна в лесу, ее ведет за руку высокая женщина с загадочным лицом языческого идола. Огдо...

Кроме них, вокруг нет ни души. Но Марианне не страшно, она уверенно идет вперед, потому что знает – Огдо с ней, а там, впереди, их ждет что-то важное...

Кроме того, Марианна никогда не боялась леса. Огдо приучила ее к тайге, к тому, что лес – не враждебный, он сильный и мудрый и платит добром за добро.

Тропинка резко повернула, и впереди показалась маленькая охотничья избушка, почти вросшая в землю.

Крошечное подслеповатое окно, покрытая мхом покатая крыша, черная от копоти печная труба, стены из толстых бревен с торчащим из щелей мхом...

– Это здесь! – проговорила Огдо, и лес повторил ее слова многократным эхом: «Здесь! Здесь! Здесь!»

Лес всегда любил разговаривать с Огдо.

Марианна остановилась.

Ее охватило странное волнение. Она хотела войти в эту избушку – но и боялась этого, боялась того, что ждет ее внутри...

Но Огдо потянула ее вперед:

– Идем! Идем же!

Они подошли к избушке, Огдо потянула на себя дверь.

Дверь такая низкая, что Огдо пришлось согнуться в три погибели, но маленькая Марианна вошла легко, не наклоняясь...

И проснулась.

Сердце ее взволнованно билось, во рту пересохло.

К чему был этот сон?

Почему сегодня, после такого большого перерыва, ей снова приснилась Огдо?

Как давно Марианна о ней не вспоминала!

Там, в Сибири, Огдо была ее няней.

Мама Марианны умерла, когда та была совсем маленькой, и тогда отец нашел Огдо. Она принадлежала к маленькому сибирскому народу долган и знала лес, как свое собственное жилище. Она разговаривала с деревьями и птицами, и деревья и птицы отвечали ей. Огдо с самого раннего детства водила Марианну в тайгу – они собирали ягоды и грибы, кедровые орехи и целебные травы.

Как-то в поселок, где они жили, пришел из тайги незнакомый человек. Вся его одежда была сшита из оленьей кожи, на голове – странный головной убор. Увидев Огдо, он пришел в возбуждение, стал низко кланяться ей, что-то говорить на незнакомом языке. Огдо ответила ему на том же языке и отослала повелительным, властным жестом. А потом отпросилась у отца и на целый день ушла в тайгу.

Марианна спросила соседку, эвенкийку Орчен, кто был этот человек и куда ушла Огдо.

– Ты разве не знаешь? Тетя Огдо, – ответила соседка тихо, – дочка очень сильного шамана. И она унаследовала от отца его силу. Тот человек пришел из тайги, он охотник, кочует с семьей. Его дочь очень сильно заболела, врач не смог ей помочь, и тогда он пришел просить тетю Огдо, чтобы спасла его дочь.

Марианна представила себе дочку того охотника – такую же девочку, как она сама, и почувствовала острую жалость.

Огдо вернулась ночью, когда Марианна уже спала. Она зашла проверить девочку, поправила одеяло.

Марианна проснулась и первым делом спросила няню:

– Огдо, ты вылечила ту девочку?

– При чем тут я? – проговорила Огдо отчего-то обиженно. – Девочка будет жить, она сама так захотела...

– Но ты ведь помогла ей?

– Помогла, как смогла, – ответила Огдо, – а ты спи давай... И мне надо спать, я устала... А потом был еще один случай.

Они с Огдо отправились в лес за ягодами и в малиннике встретили медведя.

Марианна услышала треск и шорох в кустах, подумала, что там какая-то женщина собирает ягоды, – и вдруг увидела прямо перед собой огромную косматую морду.

Девочка словно окаменела. Она не могла ни убежать, ни вскрикнуть, даже дышать стало трудно.

И тут рядом с ней возникла Огдо.

Она строго уставилась на медведя и произнесла несколько слов на своем непонятном языке.

И медведь, огромный, могучий и страшный зверь, попятился, высоко поднял лапы, словно защищаясь или прося прощения, развернулся и бросился наутек.

Чуть позже, когда Марианна отдышалась и успокоилась, она спросила у Огдо, что та сказала медведю.

– Я сказала ему, чтобы ушел, не пугал мою девочку, а не то я его накажу.

– Ты шутишь, Огдо?

– Мало-мало шучу! Но ты не бойся, больше он не придет! Пока я с тобой, тебя никто не тронет!

Марианна проснулась рано, как обычно. Голова была легкой, ничего не болело. Она лежала немного, размышляя, к чему привиделся такой сон. Ведь Огдо давно умерла, она и тогда была немолодой.

Они жили не в городе, а в маленьком поселке при шахте, где отец был управляющим. Потом он стал ее собственником, потом перекупил соседний рудник, потом другой... Марианна была слишком мала тогда и не знала подробностей. Только с каждым годом понимала, что отец становится все богаче.

Потом они переехали в Петербург, отец продал кое-что в Сибири и купил тут производство. Опять-таки, Марианна тогда не вникала в подробности.

Она закончила школу, училась дальше, причем выбрала искусствоведческий факультет. Отец тогда только хмыкнул: профессия совершенно бесполезная, но раз нравится учиться – ради бога. Он, отец, дочь свою единственную вполне способен содержать, а в его бизнесе редко какая женщина соображает.

– Найдешь себе со временем мужа толкового, ему и передам дело, – сказал отец, на что Марианна только отмахнулась – да что ты, ты еще не старый совсем, сам будешь руководить.

Она закончила учебу, потом уехала на год стажироваться во Францию. Перед отъездом отец хотел с ней поговорить, но передумал: вот вернешься, тогда...

Он не успел. За пару недель до ее возвращения отец скорострительно умер от инфаркта. Когда Марианна прилетела, совершенно одуревшая от горя, на нее обрушилось все.

Оказалось, что дела у отца за последний год пошли из рук вон плохо. Все сложилось одно к одному: его подвели партнеры, конкуренты перехватили пару крупных заказов, на которые он серьезно рассчитывал, вдобавок к этому на него наехала налоговая.

Отец бился как мог, стараясь спасти бизнес, очевидно, сердце его не выдержало такого напряжения.

Однако, хоть Марианна и плохо соображала тогда, все же что-то запомнила, а именно: разговор со следователем.

Дело в том, что отец умер ночью, нашла его приходящая прислуга. Отец жил в большой квартире на Крестовском острове, на ночь оставался там один, он не любил посторонних людей в доме. Исключение составлял лишь его водитель и порученец Артем, у него были ключи от квартиры и комнатка в конце коридора, где изредка мог он ночевать.

Экономка Любовь Адриановна не успела позвонить в дверь, как обнаружила, что она открыта. Ругнув Артема, который вечно распахнет все двери и уйдет к себе, она вошла и громко хлопнула дверью. Когда никто не вышел на стук, она подумала, что Артем готовит машину и ожидает хозяина внизу, и пошла на кухню.

И только через некоторое время удивилась стоявшей в квартире необычной тишине и нашла хозяина в кабинете лежащим на полу. Тело уже остыло.

Сейф был открыт и пуст, так что приехавшая полиция тут же заподозрила ограбление, хоть врачи однозначно определили, что отец умер от инфаркта. Неожиданный стресс, когда застал грабителей, вот сердце и не выдержало.

Насчет грабителей тоже все было ясно.

В доме на Крестовском жили обеспеченные люди, так что с охраной все было в порядке. И камеры показали, что, кроме водителя Артема и отца, в квартире никого не было. Артем ушел поздно вечером, что охрану не насторожило, он часто ночевал в другом месте. Смерть отца произошла позже на час или два.

Водителя объявили в розыск, но к тому времени, когда Марианна беседовала со следователем, уже нашли.

Нашли его мертвое тело в овраге за городом. При нем не обнаружили ничего ценного, и следователь хотел узнать, что же было в сейфе у отца, какие ценности.

Марианна ответила, что в сейфе были документы, а какие – она не знает. А ценности отец хранил в банке, но про это хватило у нее ума не упоминать следователю. Тогда вертелся рядом с ней адвокат, который Марианне не понравился сразу – уж слишком интимно поддерживал ее под руку и слишком трепетно гладил по плечу. Он отвез Марианну в банк, там сказали, что нужно собрать какие-то бумаги, чтобы ей выдали содержимое ячейки.

Тут навалились другие дела, прежде всего похороны, и Марианна отложила банк на потом. А после оказалось, что дела у отца в очень плохом состоянии, и фирму у нее отобрали за долги, и квартиру на Крестовском пришлось продать, в общем, от наследства осталось не то чтобы ничего, но очень мало.

Как раз прошло полгода, и после всех мытарств Марианна наконец вспомнила про банковскую ячейку, где отец хранил драгоценности. Там было немного: пара не очень дорогих колечек, еще маминых, эти хранились как память, бриллиантовый браслет, который в комплекте с такими же сережками отец подарил Марианне на двадцатилетие. Серьги она не снимала, а у браслета ослабел замочек, и она оставила его дома перед поездкой во Францию.

И самое главное: там хранились те серьги. Те самые, старинные, очень дорогие, семейная реликвия, которую отец велел беречь Марианне как зеницу ока.

Так вот как раз самого ценного в банковском сейфе не было. И в ответ на ее осторожные вопросы банковский служащий сказал, что да, отец заходил в банк накануне того печального дня, когда он умер, а что уж он делал с ячейкой, он не знает.

И Марианна поняла, что отец забрал оттуда серьги.

Зачем? Очевидно, хотел оставить кому-то в качестве залога, чтобы спасти фирму. Марианна плохо разбиралась в деловых и финансовых вопросах, но подумала, что раз уж отец решился на такие крайние меры, то дело и правда было плохо.

Так оно и оказалось впоследствии. Но тогда отец на что-то надеялся, оттого и перенес серьги из банковской ячейки в квартиру. Тут-то его и ограбили. Артем, человек, который работал у него несколько лет и которому отец безоговорочно доверял.

Все это Марианна собиралась рассказать следователю, когда ее вызвали в очередной раз повесткой, но передумала, потому что следователь оказался не тот, что прежде, – гораздо старше, с каким-то шишковатым лбом и абсолютно равнодушными, снулыми глазами. И перед его кабинетом Марианна столкнулась с экономкой отца, той самой Любовью Адриановной. Она выходила с красными заплаканными глазами и даже не узнала Марианну.

Следователь спрашивал ее, не пропало ли чего ценного из домашнего сейфа, и Марианна ответила, что отец хранил там только документы, а какие – она понятия не имеет.

– Не хотите, значит, Марианна Петровна, сотрудничать со следствием... – протянул он с непонятной угрозой.

Марианна представила, как он пугает несчастную экономку всеми карами, и твердо сжала губы. Потом спросила, как продвигается дело об убийстве Артема, на что следователь злорадно ответил, что то дело ведет не он, и вообще, до окончания следствия нельзя ничего рассказывать посторонним. От себя же он может только добавить, что Артем с подельником сговорились, очевидно, ограбить хозяина, а когда делили добычу, то поссорились, подельник его и убил. И избавился от тела, отвез его за город.

В общем, Марианна решила ничего про серьги не рассказывать. Все равно никого они не найдут. И смирилась с их потерей и с тем, что не с кем поделиться. Как уже говорилось, родственников у них с отцом не осталось, близких друзей у нее не было, потому что детство провела не в этом городе, а приятели куда-то испарились. Во-первых, ее не было почти год, а потом не до развлечений стало.

Адвокат, что вертелся возле нее, тут же куда-то делся, когда узнал, что от состояния ее отца почти ничего не осталось, Марианна не слишком по нему скучала.

Она оказалась тогда совсем одна, почти в вакууме. Не знала, что делать, куда себя деть. Нужно было как-то определяться, искать работу хотя бы для того, чтобы не сойти с катушек.

Прикинув свое финансовое состояние, она поняла, что денег хватит максимум на год-полтора, и то если экономить. Вот уж чего она совершенно не умела, то есть просто не знала, как это делается. Никто не научил. Не было рядом с ней ни матери, ни родной тетки, ни старшей сестры. Няня Огдо осталась в далекой Сибири и умерла там давно.

Потихоньку подступала депрессия. Хотелось лежать целыми днями на старом, выдавшем виды диване в неудобной квартире и ни о чем не думать.

И вот тогда она познакомилась с Андреем Мамаевым. Ее будущим мужем.

Марианна уже не помнит, как все это было. Кажется, он ухаживал, кажется, говорил, что хорошо знал ее отца. И кто их познакомил, она тоже помнит смутно, вроде бы тот самый адвокат, который возник из небытия на короткое время, а потом снова туда провалился.

Прошло какое-то время, и Андрей сделал ей предложение. Сказал, что он – деловой человек, что ему некогда тратить время на всякие там... сантименты, что ли, или что-то в этом роде. В общем, пускай Марианна выходит за него замуж, а он со своей стороны обязуется создать ей спокойную и безбедную жизнь.

Марианна думала недолго, потому что это был единственный выход из создавшегося положения.

В самом деле: денег нет, делать она ничего не умеет (вот когда вспомнила хмыканье отца насчет ее бесполезной профессии), да еще и депрессия неумолимо наступает. Если так дальше будет продолжаться, то в какой-то момент она просто выпьет упаковку таблеток или выпрыгнет из окна.

Словом, тогда она посчитала, что жизнь дает ей шанс. И хоть замужество не принесло ей большой радости, она все же была благодарна мужу за то, что не дал совсем пропасть. И не задумывалась, для чего он это сделал.

Что муж ее не любит, она поняла быстро, в первые месяцы после свадьбы. Что она его не любит – поняла еще раньше. Но смирилась. Все же он обещал ей безбедную жизнь – и так и

было. Но вот насчет спокойствия... Да, если судить по событиям в ресторане, то ее спокойная жизнь закончилась.

И хоть она отгоняла от себя все здравые мысли и жила в каком-то полусне, все же за четыре года семейной жизни изучила своего мужа достаточно, чтобы понять: он никогда не делает ничего просто так, без далеко идущей цели.

Так что на его слова, брошенные как-то в сердцах, что он просто пожалел тогда ее – несчастную, обобранную, не сознающую, что будет с ней дальше, она отреагировала сейчас твердо: не верю. Нет у нее ответа на этот вопрос.

И самое главное: откуда у него взялись серьги? Как они к нему попали? И почему всплыли только сейчас?

– Марианна Петровна, вы проснулись? – в дверь осторожно царапалась Лизавета.

– Давно уже, – холодно ответила Марианна, – готовь ванну. И завтрак быстро подай, и Юре скажи, чтобы машину подал к десяти.

– Вы куда это? – всполошилась Лизавета. – Андрей Сергеич сказал, чтобы вы не выходили сегодня! И доктор...

– Какой еще доктор?! – Марианна рывком села на постели. – Ты у него работаешь или у меня?

– У вас... – Лизавета блеснула глазами, в которых Марианна легко прочла, что работает она у ее мужа, он ей платит деньги, а она, Марианна, поскольку муж ее содержит, должна сидеть тихо и мужа слушать беспрекословно.

– Ладно, не надо ванну, душ приму, – бросила Марианна, – а ты не копайся, неси завтрак в столовую.

Голова была ясной, перед глазами не кружились красные мухи, и чувствовала себя Марианна гораздо бодрее.

У нее и правда было сегодня важное дело.

Они с подружкой Аней совместно владели небольшой художественной галереей. То есть это, конечно, громко сказано. На самом деле галерея представляла собой обширное полуподвальное помещение, которое выкупили они с Анной на паях несколько месяцев назад. В этом полуподвале раньше чего только не было.

Спортивный зал с тренажерами, потом – хозяйственный магазин, затем – магазин для художников, где продавались краски, кисти, холсты и рамы, а в одной комнате, отгороженной ширмой, какой-то предприимчивый человек вел кружок рисования для детей. Потом хозяйка помещения переехала в другой город и продала помещение дешево, ей нужно было скорее.

Аня была подружкой не близкой, близких, как уже говорилось, у Марианны не было. Они учились вместе на искусствоведческом, тогда не дружили. Столкнулись пару лет назад на каком-то вернисаже, посидели в кафе, поболтали, вспомнили общих знакомых. Отец у Ани был довольно крупный искусствовед, работал в большом музее, Аня тоже там подвизалась, но невыносимо скучала и тяготилась постоянной опекой отца. Потом перешла в модную галерею современного искусства, но там утомляла богатая публика, которой надо было угождать и вешать лапшу на уши, чтобы покупали экспонаты.

– Ой, извини! – тут же поправилась Аня. – Я ведь не тебя имею в виду, ты ведь разбираешься...

Марианна подумала тогда, что она-то, может, и разбирается, а что толку? Ну, купила она пару картин и гравюр, чтобы украсить дом, а что дальше?

Они встречались с Анной довольно часто, так что, когда та явилась с сияющими глазами, Марианна поняла, что грядут перемены.

Оказалось, подруге отошло небольшое наследство от умершей дальней родственницы, и тут как раз подвернулось помещение под галерею. Там и ремонт только косметический нужен, так вот, если бы они с Марианной вложились пополам, то хватило бы на все...

Марианна ответила уклончиво, потому что понятия не имела, что скажет на это муж. У нее своих денег не было. Скорей всего отмахнется – что еще за ерунда, скажет.

Однако муж денег дал. Сказал, что картинная галерея дешевле встанет, чем бутик модной одежды или салон красоты. Прибыли, конечно, никакой, но и убытки будут небольшие, когда они с подругой разорятся. Это было почти полгода назад, тогда еще муж относился к ней неплохо. То есть Марианна так думала.

И вот буквально на днях они открывают галерею. А сегодня нужно навести последний лоск.

Марианна торопливо позавтракала в одиночестве, так как муж уже ушел. Было такое ощущение, что он не хочет с ней видиться. Что ж, их желания совпадали.

– Машина ждет? – спросила она Лизавету, подкрашивая губы.

– Ждет. А таблетки? – заикнулась противная баба.

– Да выпила, выпила! – отмахнулась Марианна и подумала, что надо бы выбросить одну или две, а то Лизавета проверит. Но было уже поздно, так что она поскорее выскользнула из дома.

Водитель Юра предупредительно распахнул дверцу машины и поинтересовался ее самочувствием. Просто из вежливости или тоже муж велел докладывать?

В машине она проверяла сообщения на телефоне, чтобы водитель не вязался с разговорами. Он тоже работал у мужа довольно давно и усвоил в обращении с ней некоторую фамильярность.

Наконец миновали все пробки и доехали. Припарковаться тут было негде, так что Марианна вышла из машины и направилась к галерее.

И тут рядом с ней неизвестно откуда возникла высокая старуха в каком-то нелепом пальто, явно с чужого плеча. Длинные седые волосы старухи были повязаны чудной, неуместной банданой, черной повязкой в черепахах.

При этом старуха определенно была на кого-то похожа... Марианна когда-то прежде уже видела это лицо, эти загадочные восточные глаза древнего идола...

– Милая, проводите меня к храму! – проговорила старуха низким грудным голосом и схватила Марианну за руку.

– К какому храму? – растерянно спросила Марианна и попыталась вырвать руку, но старуха держала ее неожиданно крепко.

– Ты знаешь, к какому! – ответила старуха и близко склонилась к Марианне. На нее дохнуло безумием. – Нахэрхэн! – проговорила старуха прямо в ухо Марианны, жарко выдохнув непонятное слово.

– Что?!

– Нахэрхэн! – повторила та настойчиво. – Муу-шубун! Худая птица, понимаешь?

Тут, слава богу, рядом появился шофер Юра, который, к счастью, не успел уехать далеко и развернулся на перекрестке. Он оторвал старуху от Марианны, оттащил в сторону, оглянулся на хозяйку – мол, что с ней делать?

– Оставь ее, это несчастная сумасшедшая!

Юра выпустил старуху, и та тотчас куда-то исчезла, так же непонятно, как и появилась.

– Извините, недоглядел! – виноватым голосом проговорил Юра. – Хорошо, что заметил перед тем, как свернуть... Здесь стоять нельзя...

– Ничего страшного! Езжай, забереешь меня через два часа, я тебе позвоню!

Марианна перевела дыхание и вошла в галерею.

И уже войдя в нее, вспомнила, кого напонила ей сумасшедшая старуха.

Она была похожа на Огдо, няньку-долганку...

Ту самую Огдо, которую Марианна увидела во сне... Только во сне Марианна была маленькой девочкой и нянька еще не старой, а потом, когда уже давно жили они в Петербурге, приехал к отцу старый знакомый из Сибири и показывал фотографии их дома и маминой могилы. Была там и Огдо, жила она тогда в лесу среди охотников, в хижине, где жил когда-то ее отец-шаман. Стала совсем старая, и точно, эта старуха на нее чем-то похожа.

Тут навстречу Марианне шагнула Аня, приветливо протянула к ней руки:

– Хорошо, что ты приехала! Посмотри, как все получилось! Мы почти готовы!

Вдвоем они обошли галерею.

Все и правда было готово к открытию – картины развешаны с большим вкусом, хорошо продумано освещение, в нужных местах стояли керамические вазы с сухими цветами.

Под конец они завернули в подсобку, где были составлены картины, не вошедшие в экспозицию.

– Просто не знаю, что с ними делать! – вздохнула Анна. – Авторы обидятся, один уже приходил, ругался, сказал, что тогда вообще все картины заберет...

Марианна кивала машинально, не слушая, потому что увидела на стене цветной постер, репродукцию еще одной картины.

Она замерла на месте, словно громом пораженная.

На картине была изображена лесная поляна, посреди которой стояла маленькая охотничья избушка.

Крошечное подслеповатое окно, покрытая мхом покатая крыша, черная от копоти печная труба, стены из толстых бревен с торчащим из щелей мхом...

Именно эту избушку Марианна видела во сне!

Не похожую, не такую же, а эту самую! Это к ней они с Огдо вышли из леса!

– Что это за картина? – спросила Марианна подругу севшим от волнения голосом.

– Не знаю, – спокойно ответила Анна. – Постер тут уже висел, когда я пришла. А что? Тебе нравится картина? Понятия не имею, кто автор. Но могу узнать... поговорю с прежней владелицей помещения... Хотя она вроде бы уехала уже...

– Да... нет... не важно... – пролепетала Марианна, не сводя глаз с избушки.

Во сне она хотела войти в нее – но как только открыла дверь, тут же и проснулась. И вот она снова увидела ту же самую избушку... что это – настойчивый знак судьбы?

И тут Марианна разглядела, что постер висит не на стене, а на не приметной двери.

– Что это за дверь? – спросила Марианна удивленно. – Куда она ведет?

– Да никуда... там кладовка какая-то. Честно говоря, руки не дошли ее разобрать.

Марианна шагнула к двери, потянула на себя...

Дверь не открывалась.

Но она непременно должна войти, должна узнать, что таится там, за этой дверью!

– Защелку отодвинь! – посоветовала за спиной Анна.

Только теперь Марианна заметила на верхней части двери небольшую защелку.

Она отодвинула ее. На этот раз дверь открылась.

За ней оказалась маленькая кладовка, в глубине которой был стеллаж. На этом стеллаже стояли два керамических горшка с кистями, ваза – дешевая имитация греческой амфоры, картонный куб... реквизит, который используют для обучения рисованию. Ну да, тут же был кружок, детей обучали.

И тут Марианне показалось, что с самой верхней полки на нее кто-то смотрит. Она испуганно попятилась, но потом пригляделась и поняла, что это всего лишь гипсовая голова, мужская голова с косматой бородой, длинными, заплетенными в косы волосами и яростно выпученными глазами...

– Ну, что здесь? – проговорила позади Анна. – Ну да, реквизит для уроков рисования...

Тут у Анны в кармане зазвонил телефон, она взглянула на дисплей и ушла в галерею разговаривать.

А Марианна потянулась к верхней полке стеллажа, ей вдруг захотелось получше разглядеть гипсовую голову. Уж больно необычный экспонат, чтобы детям моделью служить. Иной ребенок и испугаться может такого страшилища. Ишь, как глаза выпучил.

Ее роста немного не хватало, она привстала на цыпочки, с трудом дотянулась до головы...

И тут эта голова соскользнула с полки и с трагическим грохотом упала на пол.

При этом она разбилась на куски. Ну да, не удивительно: гипс – материал довольно хрупкий.

И бог бы с ней, дешевка, не стоящая внимания...

Но среди осколков что-то блестело.

Марианна наклонилась, отодвинула в сторону самые крупные осколки гипсовой головы...

И увидела на полу нечто удивительное, непостижимое.

На полу, среди осколков гипсового слепка, лежал человеческий череп. Этот череп был оправлен в золото, в глазницы черепа были вставлены крупные темно-красные камни – рубины?

Да что за чушь! Какие рубины! Это ведь наверняка просто поделка, дешевый реквизит для обучения рисованию, а в глазницах – обыкновенные стекляшки...

Марианна подняла череп, осмотрела его.

Камни сверкали темным, таинственным огнем.

Нет, это не стекляшки.

Марианна знала толк в драгоценных камнях и поняла, что перед ней – самые настоящие рубины. Не искусственные, каких сейчас много, а натуральные. Правда, очень старой огранки...

Собственно, это даже не огранка. Рубины не огранены, а просто отшлифованы, верхняя часть камней закруглена – такие камни называются кабошонами. Именно так обрабатывали камни в древности, когда еще не изобрели современные способы огранки.

Но как бы ни назывались эти камни, они пылали в глазницах черепа мрачным, угрюмым огнем и словно заглядывали прямо в сердце Марианны... От этого взгляда ей стало как-то неуютно, словно в тесной кладовке подул вдруг ледяной ветер...

В подсобке послышались шаги, это вернулась Аня.

И тут Марианна сделала странную вещь: она торопливо засунула свою находку, этот таинственный череп, в сумку. Благо сумка у нее была большая – торба на завязках из мягкой бежевой замши.

Она сама не знала, зачем спрятала череп, зачем захотела утаить его от подруги.

Анна заглянула в кладовку, спросила:

– Нашла что-нибудь интересное?

– Да нет, ерунда всякая. Реквизит для уроков рисования. Была тут гипсовая голова, довольно красивая, да я ее уронила, видишь, разбилась на мелкие куски.

– Бог с ней. Попрошу Зульфию подмести. Пойдем, взглянем еще раз на экспозицию, посмотрим, что еще нужно сделать...

И они занялись спешными, неотложными делами.

Сумку с черепом Марианна оставила в подсобке и благополучно забыла о ней на весь день.

Только под вечер, собираясь домой, она взяла сумку и удивилась ее неожиданной тяжести.

И не сразу вспомнила о своей удивительной находке. А когда вспомнила – почувствовала странное беспокойство, волнение... ей казалось, что череп смотрит на нее сквозь замшу сумки...

Вернувшись домой, Марианна первым делом заперлась в своей спальне и огляделась – куда бы спрятать череп. Ей отчего-то очень не хотелось, чтобы его кто-нибудь увидел.

Особенно муж. А ведь если Лизавета найдет череп, она обязательно ему доложит.

Собственно, почему муж не должен видеть череп, Марианна не раздумывала, просто знала, что так нужно, – и все.

Муж редко заходит к ней в спальню, а после того, что произошло позавчера, наверняка не скоро зайдет. Но с Лизаветой следует быть осторожнее, она хитрая и приметливая, так что нужно череп надежно спрятать.

Впрочем, Марианна очень быстро нашла подходящее место.

Когда они с мужем заново обставляли дом, Марианна ходила по антикварным магазинам в поисках красивой старинной мебели. И в одном магазине она нашла изумительный туалетный стол красного дерева, первой четверти девятнадцатого века и в отличном состоянии, видимо, недавно отреставрирован.

Стол был дорогой, но муж тогда смотрел сквозь пальцы на ее расходы. Правда, он не понимал и не одобрял ее страсть к антиквариату и вообще к старым вещам. Он скорее готов был заплатить большие деньги за безвкусную современную подделку под старину, сделанную на фабрике в Италии или Австрии, чем купить подлинную работу великого мастера позапрошлого века.

Так вот, когда этот стол привезли и поставили в спальню Марианны, она разложила свои кремы и косметику по его ящичкам. Один ящик никак не выдвигался. Тогда она нажала посильнее на его боковую стенку, и вдруг раздался щелчок и стенка столика открылась, за ней оказалось потайное отделение.

Кстати, в этом отделении Марианна нашла любовное письмо девятнадцатого века – надушенное, в которое был вложен засохший лепесток розы.

Вот в это потайное отделение она сейчас и спрятала череп.

Прежде чем убрать в тайник, Марианна внимательно оглядела свою находку.

Это действительно был человеческий череп, тщательно отполированный, оправленный в золото и превращенный, судя по всему, в кубок или чашу для вина.

Марианна подумала, какому жестокому, бессердечному человеку могло прийти в голову пить вино из человеческого черепа... Впрочем, у средневековых людей были грубые нравы.

Тут в дверь постучала горничная Лизавета:

– Марианна Петровна, у вас все в порядке? Вам не нужна помощь?

Марианна едва справилась с внезапным раздражением. Эта Лизавета... всюду она сует свой нос! Подсматривает, подслушивает... наверняка все сообщает хозяину! Помощь предлагает, да что она, Марианна, инвалид, что ли?

– Мне ничего не нужно! – ответила она, едва сдерживаясь. Убрала череп в тайник, закрыла его и отперла дверь спальни.

Лизавета торчала под дверью.

– У вас все хорошо?

– Все прекрасно! – Марианна даже удивилась, с какой злостью она посмотрела на горничную. Раньше она не замечала, какое у Лизаветы фальшивое, хитрое лицо, какой неприятный голос!

– Ужинать будете? – Лизавета сбавила тон. – А то Андрей Сергеич предупредил, что у него деловой ужин с партнерами, так что не нужно его ждать...

«Знаю я, с кем у него ужин!» – со злостью подумала Марианна, вспомнив о наглой брюнетке... как же ее... ах да, Алена.

Она отказалась от ужина, выпроводила Лизавету и легла спать пораньше и неожиданно легко заснула, но посреди ночи проснулась, как от толчка.

Ей показалось, что сквозь сон кто-то ее громко окликнул.

Марианна открыла глаза, села в кровати.

В голове ее все еще звучал чей-то голос, голос из сна, который ее разбудил. Казалось, эхо этого голоса еще звучит в ее голове. Но в спальне царила глубокая, звенящая тишина. Тишина, какая бывает только за городом, и то не всегда.

Занавески на окнах были неплотно задернуты, сквозь них сочился в комнату тускло-серебряный свет луны.

Марианна хотела уже лечь и попытаться снова заснуть, но вдруг в звенящей тишине ночи она услышала чей-то горячий, настойчивый, неотвязный шепот.

Кто-то прошептал в темноте едва слышно бессмысленные, непонятные слова:

– Нахэрхэн муу-шубун!

Ей стало жутко.

Где-то она уже слышала эти непонятные слова... слышала их совсем недавно...

Шепот доносился из глубины комнаты.

Марианна спустила босые ноги на пол, встала, шагнула босиком в сторону, откуда доносился шепот.

Лунный свет за окном стал ярче, он наполнил комнату тусклым серебристо-зеленым сиянием, словно тяжелой озерной водой. И из этого сияния вдруг всплыло женское лицо, отливающее той же лунной зеленью, как лицо русалки или утопленницы.

Марианна испуганно попятилась...

Лицо, которое смотрело на нее из темноты, было ей тоже смутно знакомо. Загадочное, таинственное, похожее на лицо древнего восточного идола...

И тут она вспомнила, где видела это лицо и где слышала непонятные слова, которые только что прозвучали в ночной комнате. Старая женщина, которая привязалась к ней на улице возле галереи... она произнесла те же загадочные слова и смотрела на Марианну загадочными глазами восточного идола...

А та женщина, в свою очередь, была похожа на Огдо, няню-долганку из далекого Марианниного детства... То есть Марианна помнит ее относительно молодой, это потом она превратилась в старуху с невозмутимым восточным лицом.

Сквозняк качнул занавеску на окне, лунный свет, наполнявший комнату, колыхнулся, как озерная вода, качнув тени и отсветы, на мгновение загадочное лицо исчезло, но тут же снова возникло, словно проступив сквозь озерную воду...

Но это было уже совсем не то лицо.

Это было не загадочное лицо няни Огдо или уличной полубезумной незнакомки – это было лицо, которое она каждый день видела в зеркале, лицо самой Марианны.

Это было всего-навсего ее собственное отражение в зеркале старинного туалетного столика.

Ну да, конечно, это и сначала было ее отражение, а Марианне померещилось в темноте невесть что...

Марианна вздохнула с облечением и хотела уже вернуться в постель, но вдруг из темноты снова донесся таинственный шепот:

– Нахэрхэн! Иди сюда!

Шепот шел оттуда, со стороны столика.

Марианна сделала шаг вперед, и еще один шаг... она двигалась медленно, словно преодолевая сопротивление тяжелой воды, наполняющей комнату. Или лунного света.

Но вскоре она стояла уже перед самым столиком.

Загадочный голос снова позвал ее.

И тогда она протянула руку, нажала неприметную пружину...

Раздался щелчок, открылась дверца потайного отделения... и Марианна едва сдержала крик.

Оттуда, из этого потайного шкафчика, на нее глядели пылающие красные глаза.

В первые секунды в ее душе не было ничего, кроме ужаса... но потом она поняла, что это не глаза сказочного чудовища, не глаза кровожадного порождения ночных кошмаров, а всего лишь два больших старинных рубина, вставленные в глазницы черепа. Черепа, который она нашла в кладовке галереи.

Первым побуждением Марианны было закрыть дверцу, отгородиться от черепа, отгородиться от его пристального пылающего взгляда – но она тут же поняла, что закрытая дверца не поможет ей, что это череп разбудил ее посреди ночи и что он не оставит ее в покое, что он будет звать ее снова и снова...

Зачем он зовет ее? Что он хочет ей сказать?

– Чего ты хочешь? – проговорила Марианна дрожащим от волнения голосом.

Наверное, она ничуть не удивилась бы, если бы череп ответил ей, но этого не произошло.

Он только смотрел на нее, упорно и пристально смотрел пылающими рубинами глаз.

И этот пристальный пылающий взгляд переливал в нее какие-то новые, незнакомые чувства.

В этом взгляде было что-то древнее, дикое, яростное. В нем пылала жажда мести, безжалостной и беспощадной.

Марианна в первый момент растерялась.

Чувства, которые внушал ей взгляд черепа, были не из нашего времени, не из нашей жизни. Они пришли из глубокой древности.

Марианне привиделась вдруг огромная пиршественная зала, заполненная дикими свирепыми воинами с огромными косматыми бородами, с длинными волосами, заплетенными в косы. Они пили из золотых и серебряных кубков, ели сочащееся жиром и кровью мясо, хохотали над дикими и примитивными шутками.

А посередине этой залы, посреди этого варварского разгула, среди этих хохочущих дикарей стоит женщина... женщина, чем-то похожая на нее, на Марианну.

В руке у нее – кубок, сделанный из человеческого черепа, кубок, полный вина.

Рядом с женщиной стоит мужчина – самый страшный, самый свирепый из всех на этом варварском пиру. В руке у него меч, и этим мечом он угрожает женщине.

Марианна не слышит слов, не понимает их, но она прекрасно понимает язык жестов и выражение лиц.

Мужчина с мечом принуждает женщину выпить вино из кубка... выпить вино из черепа.

Женщина смотрит на него с отвращением и ненавистью.

Она пьет вино, но между глотками ее губы шевелятся, и Марианна, не слыша ее слов, понимает их:

– Чтоб ты сдох!

Она потрясла головой, чтобы избавиться от видения, затем закрыла потайную дверцу, прошептав тихо-тихо:

– Успокойся! Я сделаю все, что ты хочешь!

Показалось ей или нет, что глаза-рубины слегка притушили блеск? Во всяком случае, никто не звал ее больше, никто не беспокоил, в комнате наступила тишина.

Марианна легла, но сон не шел. Она думала о муже. Теперь совсем по-другому оценивала его поступки.

Он унизил ее, унизил при своей девке. И теперь все небось узнали в подробностях, что произошло. И самый главный вопрос: откуда у него взялись серьги? Она обязательно это выяснит, и если ее муж хоть как-то, хоть косвенным образом причастен к смерти ее отца – Марианна ему отомстит. Жестоко отомстит.

Теперь не было у нее в душе того страха, который она испытывала перед мужем в ресторане, когда поняла, что он может сделать с ней все, что захочет. Она и сейчас знала, что он опасен. Но вместо ужаса в душе ее была одна лишь холодная ярость. Он может ее убить, но и она, Марианна, пойдет на все, чтобы ему отомстить.

Никто не сделает это за нее, она никому теперь не доверяет. Только себе.

Пиршественную залу освещало багровое дымное пламя укрепленных на стенах факелов. В этом неровном зловещем свете лица лангобардской знати, приближенных и дружинников короля Альбоина казались особенно дикими и свирепыми. Густые бороды, длинные, заплетенные в косы волосы, горящие глаза...

Павел, ученый грек, которого горестная судьба и наступившее темное время привели на этот варварский пир, наблюдал за происходящим, чтобы потом, глубокой ночью или следующим утром, уединившись в монастырской келье, записать все в своей хронике. Если, конечно, ему повезет дожить до утра.

Замок, где пировал властитель лангобардов со своей дружиной, знавал лучшие времена. Еще двести лет назад Верона была процветающим римским городом, и в этом зале пировали римские патриции, им подавали тонкие блюда и драгоценные вина, деликатесы, доставленные из разных концов империи, их развлекали актеры и танцовщицы, пиршественные ложа были усыпаны лепестками роз...

Но Рим слабел, а с севера наступали неисчислимые орды варваров. Великая империя еще долго сопротивлялась их нашествию. Здесь, под стенами Вероны, был разбит могущественный правитель готов Аларих. Но потом готы все же захватили и разграбили город, потом их вытеснили византийцы...

И вот теперь здесь правят лангобарды, эти бородатые дикари! Косматые, страшные, более похожие на медведей, чем на людей, созданных по образу и подобию Божьему...

В чем же причина такого поворота событий? В чем причина падения могущественной империи, подчинившей себе почти весь мир? Было ли это просто прихотью судьбы или гневом Господним, суровой расплатой за нечестие римлян, за то, что они поклонялись ложным богам, не желая принять истинную веру?

Взрыв смеха на верхнем помосте, где восседал Альбоин со своими приближенными, прервал мысли Павла.

Король лангобардов поднялся со своего места, держа в руке огромный кубок. Приглядевшись, Павел понял, что это оправленный в золото человеческий череп.

– Вот она – судьба! – пророкотал Альбоин хриплым, грубым голосом. – Кунимунд, вождь гепидов, воображал, что он – владыка мира! Он шел на нас во главе огромного войска! Двое слуг несли за ним его доспехи! И где он сейчас? В земле, его пожирают черви! А я, Альбоин, пью вино из его черепа и сплю с его дочерью!

– Слава Альбоину! – заорали в несколько глоток лангобардские вельможи. – Слава нашему королю, храбрейшему из храбрых! Выпьем за его здоровье и удачу!

– А ты что сидишь так тихо? – Альбоин повернулся к своей жене, королеве Розамунде, которая сидела слева от него, опустив глаза в стол. – Выпей за меня!

– Мне нездоровится, государь...

– Нездоровится? – рявкнул Альбоин. – Ты что же – хвораешь? Твой папаша был здоров как бык, пока я не отрубил ему башку! Выпей, я тебе приказываю! – и он протянул королеве кубок.

Розамунда подняла глаза.

– Прошу вас, государь... не принуждайте меня...

– Пей, я сказал! – и Альбоин вытащил из ножен меч. – Пей, если не хочешь разделить судьбу отца!

Павел перехватил взгляд королевы.

Он был полон ненависти.

Все же как жестоки эти варвары! Заставить жену пить из черепа ее отца... это чудовищно! Но именно эта беспримерная жестокость привела лангобардов в Италию, а Альбоина на вершину власти... Непременно нужно записать это в хронике... только то, что записано в анналах истории, будут знать наши потомки...

Розамунда поднесла кубок к губам.

– Пей! – рявкнул Альбоин, нахмутив густые брови. – Пей за мою удачу, и чтобы все это видели!

Розамунда сделала глоток, еще один...

– И скажи, за что ты пьешь!

– Я пью... – начала Розамунда. – Я пью за моего супруга, за могучего короля Альбоина...

Она закашлялась, и король не расслышал, что она закончила свой тост словами «Чтоб он сдох».

Ученый грек Павел тоже не услышал эти слова, но он прочел их в глазах лангобардской королевы.

Под утро пир закончился. Многие вельможи и дружинники, перепив крепкого иллирийского вина, заснули прямо в пиршественной зале. Сам король Альбоин храпел, уронив голову на стол. Ученый грек Павел удалился в свою каморку и, прежде чем заснуть, записывал сегодняшние наблюдения и мысли в свою хронику.

Королева Розамунда, убедившись, что муж крепко спит и более ее никто не видит, выскользнула в полутемный коридор, пробралась в комнату рядом с караульным помещением.

Там уже давно дожидался ее Хелмегис, дружинник Альбоина, начальник сегодняшней дворцовой стражи.

Увидев королеву, Хелмегис страстно обнял ее.

Розамунда, однако, отстранилась и проговорила тихим, дрожащим от волнения голосом:

– Что ты делаешь, безумец?

– Как – что? – недоуменно произнес дружинник. – То же, что вчера, то же, что позавчера... кажется, до сих пор это тебе нравилось! Или я тебе надоел?

– Мне это и сейчас нравится, но мне страшно. Кажется, Альбоин что-то заподозрил.

– Тем более нам нужно поспешить. Альбоин пьян, он крепко спит и ничего не заметит.

– Ты его не знаешь! Он коварен и жесток. Может быть, он только притворяется пьяным.

Представь, что он сделает с нами обоими, если застанет!

– Но что же делать?

– У нас только один выход. Мы должны убить его.

Хелмегис попятился.

– Убить? Убить Альбоина? Я не ослышался?

– Ничуть.

– Ты не в своем уме!

– Нет, как раз в своем. А вот ты... Неужели тебе приятно делить меня с королем?

– Нет, конечно!

– Вот и надо избавиться от него. Это единственный выход для нас. Рано или поздно король все узнает или кто-нибудь откроет ему глаза. Хорошо, если он просто убьет нас, но на это мало надежды. Он придумает для нас самую страшную казнь. Помнишь, что он сделал с Винторесом, который перешел на сторону аваров? Захватив его в плен, Альбоин затравил

Винтореса собаками! А Смилян, хорватскую княгиню, он приказал сварить в котле с пряными травами, и потом накормил этой похлебкой ее соотечественников!

– За молчи, королева! Я и без тебя знаю, как жесток и кровожаден твой муж!

– Значит, ты должен понимать, что у нас только один выход. Или мы убьем его, или он – нас... мы убьем короля, похитим его сокровища и скроемся в Равенне, под защитой византийского наместника. И там никто не сможет нас разлучить.

– Но Альбоин недоверчив и осторожен, он могучий воин и никогда не расстанется со своим мечом по прозвищу Летучая Смерть. Одному мне с ним не сладить.

– Ты тоже славный воин, но дело будет сделано вернее, если у тебя будет сильный товарищ.

– О ком ты говоришь?

– Я говорю о Бетрое. Он могучий воин, он сильнее всех прочих в дружине Альбоина.

– Бетрой? Бетрой ни за что не пойдет против короля! Бетрой предан ему как пес...

– Скажи лучше, что он глуп как пробка. И мы это используем. Доверься мне – я сделаю так, что Бетрой будет на нашей стороне. А ты скажи мне одно: готов ли ты рискнуть? Готов ли поступить, как мужчина?

– Ради тебя я готов на все, моя королева! И ты сказала правду – у нас нет другого выхода.

– Хорошо, если ты готов – надо действовать. Такие вещи никогда нельзя откладывать.

Королева всем телом прижалась к Хелмегису, заглянула ему в глаза и вдруг спросила:

– А ты не знаешь случайно, с кем Бетрой крутит любовь?

– К чему это тебе?

– Так знаешь или нет?

– С Белиндой, дочкой сотника Клефа Косого. Я как-то застал их в комнате стражи.

– Тогда сделаем вот что. Найди сейчас Бетроя и скажи ему, что Белинда ждет его в своей горнице.

– Сейчас? – в голосе Хелмегиса прозвучало разочарование. – Я думал, что сейчас мы с тобой займемся любовью.

– Для этого не время. Вот сделаем то, что задумали, и тогда нас уже никто не разлучит, я буду твоей, и только твоей. Ты ни с кем не будешь делить меня.

– Что ж... – Хелмегис вздохнул. – Пойду искать Бетроя, если ты этого хочешь...

Проводив любовника взглядом, Розамунда отправилась в ту часть замка, где обитали начальники лангобардского войска со своими семьями. Там она нашла комнату Клефа Косого.

Сам Клеф нес караул возле городских ворот, его дочь Белинда крепко спала. Королева потрясла ее за плечо.

Девушка с трудом проснулась, протерла глаза, села на ложе и сонно пробормотала:

– Кто здесь?

Тут она узнала Розамунду и окончательно проснулась:

– Королева? Что вам угодно?

– У меня плохие новости, девушка! Ведь силач Бетрой – это твой дружок?

Белинда смущенно отвела глаза:

– Нет... да... откуда вы знаете?

– Не важно откуда! Тебе сейчас стоит поспешить. Бетрой тяжело ранили возле городских ворот, он истекает кровью и хочет непременно увидеть тебя перед смертью.

Белинда ахнула и вскочила:

– Возле ворот?

– Да, девушка! Поспеши!

Едва Белинда выбежала из комнаты, королева разделась, легла в ее постель и затушила единственную лампаду.

Покой погрузился в темноту.

Прошло совсем немного времени, и дверь скрипнула. В тишине прозвучали осторожные, крадущиеся шаги, прозвучал взволнованный жаркий шепот:

– Белинда, голубка моя, я пришел!

Королева что-то сонно проворчала.

Рядом с ней на постель опустилось тяжелое тело, сильные руки коснулись ее...

Розамунда вскрикнула, отшатнулась, схватила огниво и снова зажгла прикроватную лампаду.

Рядом с ней на краю постели сидел огромный воин с круглым наивным лицом и густой курчавой бородой. Он уже снял сапоги и теперь стаскивал холщовую рубаху.

– Кто это? – воскликнула Розамунда, торопливо прикрываясь одеялом. – Это ты, Бетрой?

Лицо Бетроя изумленно вытянулось.

– Это ты, королева? Почему ты здесь? Как это? Я думал, здесь Белинда...

– Ты сошел с ума, Бетрой! – гневно воскликнула королева. – Ты тайно проник сюда ночью! Ты видел наготу своей королевы! Ты пытался возлечь со мной!

– Но я думал...

– Никого не интересует, что ты думал! Если об этом узнает король – он предаст тебя страшной смерти! Не жди от него пощады! Ты узнаешь гнев Альбоина! Он затравит тебя собаками! Он четвергует тебя! Он утопит тебя в нечистотах!

– Простите меня, королева! – Бетрой сполз с постели и упал на колени. – Я не виноват... я не знал...

– Никто не будет разбираться в твоей вине! Смерть – это то, что тебя ждет! Страшная, лютая смерть! Не достойная героя смерть на поле боя, а позорная казнь!

– Но что делать... что делать...

– Я не знаю, что делать. Смерть грозит не только тебе, но и мне. Ты увидел мою наготу – значит, я тоже лишилась чести и тоже должна быть казнена... у нас только один выход!

– Выход? – в голосе Бетроя зазвучала надежда. – Какой выход, королева?

– Ты должен убить короля!

– Что? – румяное обычно лицо Бетроя залила смертельная бледность. – Убить моего короля? Убить господина Альбоина? Моего государя, которому я присягал на верность?

– А что еще тебе остается? Ты совершил страшное преступление, обесчестил свою королеву. Такое бесчестье можно смыть только кровью. Либо ты убьешь Альбоина, либо он предаст нас обоим страшной, позорной смерти.

– Но я не виноват...

– Я еще меньше виновата, но смерть грозит и тебе, и мне. Сделай то, о чем я говорю, – и ты спасешь не только себя, но и меня. Ты убьешь короля, но спасешь свою королеву.

– Королеву... – как эхо, повторил Бетрой.

– Думай, и думай быстрее. У нас нет времени. У нас за спиной стоит смерть, и меч ее уже вынут из ножен. Если ты будешь слишком долго раздумывать, она нанесет удар.

– Что ж, королева, если ты говоришь, что другого выхода все равно нет...

– Нет, я не сомневаюсь!

– Тогда так и быть. Я согласен. Лишь бы избежать позорной смерти. Когда это нужно сделать?

– Чем скорее, тем лучше. Самое верное – сделать это завтра. Потом может быть поздно. Попросись на завтрашнюю ночь в ночную стражу возле королевских покоев.

– Попрошусь. Но я там буду не один, со мной будет еще кто-то из дружинников.

– Об этом не беспокойся. Предоставь это мне. Когда будешь на карауле – жди крик совы. Как услышишь его – врывайся в королевскую опочивальню...

Утром Марианна снова проснулась рано. Вспомнила все, что случилось ночью, и ничуть этому не удивилась. Даже обрадовалась, потому что теперь появилась у нее в жизни цель.

Значит, первым делом нужно выяснить, каким образом серьги попали к мужу в сейф. А для этого нужно еще раз на них взглянуть. Марианна не могла ошибиться, но все же, все же...

Отчего-то она знала, что муж не отдал серьги той алчной брюнетке... как же ее... Алене. Она, Марианна, своим обмороком испортила весь задуманный эффект. Или муж протрезвел и решил, что такой подарок преждевременный, то есть отложил его до более удобного случая. Или просто пожадничал.

Она обязательно это выяснит. Нужно залезть в сейф к мужу и найти серьги. Если же их там нет, то Марианна найдет эту Алenu и вытрясет из нее всю правду.

Размышления были прерваны настырной Лизаветой, которая заглянула в комнату и сообщила, что Андрей Сергеич хотел бы позавтракать с Марианной Петровной. Если, конечно, она не спит.

– Разумеется, не сплю, вы знаете, что я встаю рано, – сказала Марианна, – я буду через двадцать минут.

И действительно, через двадцать минут она спустилась в столовую, причесанная и подкрашенная, сделав обычное свое приветливо-отстраненное выражение лица.

– Доброе утро, дорогой! – сказала она, тщательно следя за своим голосом.

Муж посмотрел на нее пристально, пробуравил глазами, как рентгеном просветил. Но не на ту напал, за столько лет брака Марианна отлично научилась себя сдерживать, не выдавать эмоции. Сейчас же она вообще стала другим человеком, у нее была цель – месть. А ради такой цели она выдержит все.

Очевидно, муж ничего не заметил и не нашел пищи для своих подозрений, потому что снова уткнулся в тарелку. Потом доел омлет, махнул Лизавете, чтобы унесла тарелку, и только тогда поинтересовался самочувствием жены.

– Мне лучше, ты же видишь, – улыбнулась Марианна, отмахнувшись от Лизаветы с ее жирным омлетом, – только совершенно ничего не помню. Просто как провал в памяти какой-то. Как в ресторан приехали – еще помню, а что дальше было – полный провал. Черная пустота. Очнулась уже дома.

– Вот как раз об этом, – прервал ее муж, – Лизавета сказала, что ты таблетки свои не принимаешь. Это плохо, раз доктор велел – надо принимать.

Вот как, значит, он даже не скрывает, что приставил Лизавету за ней следить!

Резкий ответ застыл на губах Марианны, она сдержалась усилием воли. И даже не изменилась в лице.

– Со здоровьем шутки плохи, – продолжал муж, – и наверно, ты права, что не доверяешь этому Вильяму Шекспировичу, он небось привык дамочек богатеньких от скуки лечить. А если что действительно серьезное – то он и определить не сможет. И я вот что предлагаю: нужно тебя в клинику хорошую определить на обследование. Голова, знаешь, это дело серьезное, с ней шутки плохи.

Если бы этот разговор происходил дня три назад, Марианна бы очень удивилась. Если бы даже вчера – она впала бы в панику, потому что ужасно боялась мужа.

Что он еще выдумал? Хочет избавиться от нее, заперев в какую-нибудь подозрительную частную клинику? А там будут накачивать ее успокоительным и долго не выпустят – им только попадись. А муж в это время будет спокойно жить со своей девкой, еще и в дом небось ее приведет...

А потом Марианна впадет в ступор от сильных лекарств и будет сидеть в углу комнаты, обитой мягким войлоком, и ощущать себя спелым кабачком на грядке...

От этой мысли она едва не вздрогнула, едва сдержалась. Потому что сегодня не было в ее душе никакого страха, только холодная злость. И желание отомстить. Но перед этим все же

разобраться во всем, что случилось. И не позавчера, а с самого начала, четыре года назад. Или чуть больше. А уж потом она отомстит. Не торопясь, чтобы насладиться. Известно ведь, что месть – это такое блюдо, которое надобно подавать непременно холодным.

От злости она соображала быстро, поэтому повернулась к мужу и улыбнулась ласково.

– Ты такой заботливый. Прости, что испортила тебе праздник. Я вот тоже все думала... Такое неприятное чувство, когда не можешь ничего вспомнить. И я решила, что обращусь к психоаналитику. Может быть, он сможет меня разговорить... А если нет, то есть ведь еще гипноз... Хороший гипнотизер творит чудеса...

Она тяжело вздохнула и воскликнула:

– Господи, как хочется все вспомнить! А то в голове вместо того вечера какие-то тени... И не поймешь, воспоминания это или во сне приснилось. Например, вдруг видится какая-то женщина... такая яркая брюнетка, красивая очень... знаю, что не видела ее ни разу, а вот откуда-то появляется перед глазами. Потом пропадает...

Она смотрела на мужа сонным взглядом с поволокой, говорила медленно, слабым, болезненным голосом. Но заметила, как в его глазах мелькнула тень беспокойства, очевидно, теперь в его планы не входило ее знакомство со знойной брюнеткой... как же ее, ах да, Аленой. А также воспоминания о сережке.

– Не нужно тебе никаких психоаналитиков! – сказал муж и встал, не допив кофе. – Ты же не ненормальная!

– Конечно, нет! Но эти пробелы в памяти... Но раз ты не советуешь, то я не буду к нему обращаться.

– Таблетки только принимай!

– Обязательно! – она погладила его по плечу.

Для этого понадобилось сделать над собой совсем небольшое усилие. Марианна уже научилась управлять своей ненавистью.

Муж уехал в офис, а она вышла в сад, чтобы выработать план.

Итак, нужно как можно скорее заглянуть в сейф мужа и рассмотреть серьги. Но как это сделать, если Лизавета все время торчит в доме? И ведь все время она на ее пути попадает, как будто едина в трех лицах, как сам Господь Бог!

И потом, код сейфа Марианна знает – совершенно случайно увидела в зеркале, когда заходила к мужу в кабинет несколько месяцев назад. Конечно, если он не поменял его.

Ну, будем надеяться на лучшее. Но в кабинете у него наверняка стоит камера. Это точно, сам как-то похвалялся, что никому не доверяет, и поставил тайную камеру в своем кабинете в офисе. Так отчего бы ему и в доме так не сделать? Нужно пойти на разведку.

Из кабинета мужа доносилось ровное гудение пылесоса.

Ну да, Лизавета, как всегда в это время, занимается уборкой...

Марианна вошла в кабинет.

Лизавета пылесосила ковер, стоя спиной к двери. В ушах у нее были наушники плеера, да еще и пылесос шумел, и она продолжала работать, не услышав шаги хозяйки.

Марианна остановилась в дверях и внимательно осмотрела кабинет.

Где же муж установил камеру?

Поставим вопрос иначе. Где бы она сама ее установила, если бы ей это понадобилось?

Камеры сейчас делают очень маленькими и незаметными, спрятать такую ничего не стоит.

Одно хорошо – муж не читает книг. Если бы у него была большая библиотека, спрятать в ней камеру можно было бы так, что никогда не найдешь. А так...

На стенах – несколько ярких картин. Их подбирала и развешивала женщина-дизайнер, которая занималась оформлением дома.

Как она сказала? «В кабинете нужно несколько цветных пятен». Это было еще до того, как Марианна взяла интерьер дома на себя. Она бы, конечно, такие картины ни за что не приобрела, но в кабинете мужа, кроме него, никто из его богатых знакомых не бывает, так что все равно.

Под одной картиной как раз и спрятан сейф, так что камеру на ней не установишь. Остальные развешены в неудобных местах, кроме того, Лизавета вытирает с них пыль и заметила бы камеру.

Единственный шкаф стоит удобно, как раз напротив той картины, за которой спрятан сейф. Самое подходящее место для камеры. И в этом шкафу только одна полка с книгами, да и на той не больше десятка цветных глянцевых томиков да три или четыре альбома по искусству, которые принесла та же дизайнерша.

Поставила их для солидности, никто их ни разу не открывал. Марианна как-то подумала – есть ли внутри этих альбомов текст и иллюстрации или их выпускают с пустыми страницами, если используют для украшения интерьера. У нее в комнате свои книги, ей и в голову не приходило листать эти.

Как бы то ни было, эти книги Лизавета регулярно переставляет, когда вытирает пыль, так что среди них камеру не спрячешь. Вряд ли муж настолько доверяет горничной, что не скрывает от нее камеру.

На других полках расставлены сувениры, привезенные из поездок и путешествий.

Керамическая ящерица из Барселоны, бык из Севильи, морская звезда из Сен-Тропе, несколько вазочек из Венеции...

Марианна вспомнила, что сама покупала эти сувениры, тогда они с мужем еще ездили вместе отдыхать. Спрятать в такой сувенир камеру затруднительно.

И тут она заметила на второй сверху полке маленькую игрушечную обезьяну.

Керамическая мартышка совершенно не вписывалась в обстановку. Выпученные глаза, руки зажимают уши. Такие игрушки под Новый год продают возле метро. Ну да, правильно – прошлый год был годом Обезьяны по восточному календарю...

Обычно таких обезьянок ставят по три – ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу. А тут только одна...

Странно.

Но это не единственная странность.

Муж на метро не ездит и такую дешевку не покупает, и астрологией не интересуется. Спроси его – он и понятия не имеет, какой сейчас год по восточному календарю... Подарил кто-нибудь? Опять-таки такую дешевку никто не подарит.

Зачем же он поставил эту обезьянку в своем кабинете? Она выглядит здесь явно инородным предметом...

Марианна подошла к шкафу, пригляделась к игрушке.

Глаза у обезьянки были разные – один глаз тусклый, нарисованный зеленой краской, а второй... второй глаз ярко блеснул под упавшим из окна светом.

Все ясно, это и есть камера!

Значит, когда она придет сюда, чтобы осуществить свой план, нужно не поворачиваться лицом к этой обезьянке. Тогда на записи ее можно будет принять за Лизавету...

Ну да, если идти в кабинет, то под видом горничной. Никто не удивится, что она в кабинете пыль вытирает. Правда, если Лизаветы дома не будет, то и наблюдать за Марианной некому. Водитель Юра живет в комнате над гаражом и в дом ходит редко, разве что на кухню. А кухарка Нина Ивановна тоже по дому не шастает, у нее, как она говорит, и на кухне забот хватает. Марианна знает, что тетка попивает втихую, поэтому рано спать ложится. И не разбудишь ее, хоть из пушки стреляй.

Но готовит она хорошо, не грубит и чистоту соблюдает, так что Марианна мужу про ее привычку вредную не сказала, ей вообще-то все равно было.

Так что нужно под Лизавету замаскироваться.

Марианну кольнуло непрошеное чувство вины.

Лизавета пострадает ни за что, из-за нее... Муж в гневе крут, может и побить, а что выгонит без рекомендаций – так это точно.

Но тут же она выкинула эти неуместные мысли из головы. Каждый за себя!

И не такая уж Лизавета невинная овечка!

Следит за ней, за Марианной, и все докладывает мужу! Так что сама виновата, нечего было таблетки пересчитывать!

Тут Лизавета, словно почувствовав ее мысли, повернулась и вскрикнула:

– Ой, Марианна Петровна, вы здесь? А я даже и не слышала, как вы вошли!

– Еще бы ты слышала! Мало того что пылесос гудит, ты еще музыку слушаешь!

– Это не музыка! – обиделась горничная, снимая наушники. – Это я лекцию слушаю по самосовершенствованию. Как преодолеть свои комплексы и полюбить себя такой, какая ты есть. Чтобы время впустую не терять.

– Вот уж что тебе действительно необходимо! – саркастически проговорила Марианна.

Но Лиза явно не заметила сарказма.

– Вы что-то хотели, Марианна Петровна? – спросила она таким тоном, в котором явно читалось: «Я тут работаю, а вы под ногами путаетесь».

– Я не могу найти свою бирюзовую шелковую блузку.

– Ту, что от «Армани»?

– Ну да, ту самую.

– Так она в стирке была. Я ее не успела погладить. Если хотите, я тут все брошу и быстро ее выглажу.

– Ладно, не надо! Надену другую! – и Марианна вышла из кабинета, окончательно утвердившись во мнении, что Лизавета заслужила ожидающие ее неприятности.

Этот день она потратила на экипировку. Подобрала в магазине парик, подходящий под прическу Лизаветы, отрепетировала перед зеркалом ее походку и жесты.

К вечеру оказалось, что ей повезло, поскольку Лизавета явилась и сообщила, что муж звонил и предупредил, что ужинать дома не будет, потому что у него деловая встреча в ресторане, а она, Лизавета, просит разрешения подать сегодня ужин пораньше, потому что хочет уйти в гости, ее пригласила экономка из соседнего дома, у нее именины, а хозяева в отъезде.

– Можно, Марианна Петровна?

Голос у Лизаветы был слащаво-почтительный, но чуткое ухо Марианны уловило в нем легкую насмешку. И она поняла, что горничная прекрасно знает про все мужнины шашни с другими бабами.

Ну еще бы, прислуга все всегда знает. И покрывает его, небось прячет рубашки, измазанные помадой, и белье...

Ну что ж, сама напросилась.

– Идите, конечно, я ужинать не буду, просто чаю попью...

После ухода Лизаветы Марианна наведлась на кухню.

Там было тихо, темно и пусто, стало быть, Нина Ивановна уже приняла свою положенную дозу спиртного и улеглась на боковую. Теперь до утра не появится.

Водителя тоже нет, очевидно, его вызвал муж, чтобы ждал и отвез потом домой. Муж в этом плане очень осторожен, если выпил, за руль не сядет. Может, и правда у него деловой ужин, а не ласки с брюнеткой... как же ее там... Марианна осознала, что сейчас этот вопрос ее волнует меньше всего.

Она заглянула в каморку при кухне, там Лизавета держала свою рабочую одежду – комбинезон, в котором она занималась уборкой квартиры. Подавать завтрак, накрывать в столовой и встречать гостей полагалось в темном платье с белым воротничком. Платье Лизавете ужасно не шло, да и гости к ним в дом не приходили.

Марианна взяла комбинезон, который противно пах какой-то химией, и отнесла его в спальню. После примерки выяснилось, что он ужасно велик, Лизавета была девушка плотной комплекции. Пришлось пододеть вниз спортивный костюм.

Марианна примерила парик, как следует растрепав его, чтобы пряди свисали на лицо, в последний момент сообразила вытащить из ушей свои серьги с бриллиантами – подарок отца («Ой, папа, папа, что же с тобой случилось!...»).

В кармане Лизаветиного комбинезона очень кстати оказались тонкие резиновые перчатки, что Марианна посчитала хорошим знаком.

Она вошла в кабинет, чуть шаркая ногами и переваливаясь, как Лизавета, не зря долго репетировала ее походку.

Не включая свет, подошла к стене и сняла одну из картин, ни на минуту не забывая отворачиваться от камеры. Так, одно плечо вперед, картину положить на пол, наклониться неловко, так, чтобы камера смотрела на ее пятую точку.

Вот и сейф. Марианна с замиранием сердца нажала на панели четыре цифры кода, те, что она запомнила, когда случайно примерно полгода назад увидела в зеркале, как муж открывает сейф.

Четыре цифры: 23 54.

И ничего не произошло. Не слышно было легкого гудения, и дверца не открылась. Код не подходит, муж его поменял.

Неужели из-за того раза, когда она случайно вошла в его кабинет? Неужели он ее подозревал?

Да нет же, она, Марианна, до того случая в ресторане, когда муж буквально сошел с катушек, была для него вроде прикроватной тумбочки. Вроде она есть, но ее не замечают.

В плане своих секретов муж, конечно, человек серьезный, не станет он устанавливать код сейфа из дня и месяца своего рождения и уж тем более из дня рождения своей жены (см. выше про тумбочку). Да он и не помнит эту дату, ему, как говорится, до лампочки. Марианна сама ненавязчиво напоминала ему про свой день рождения, чтобы он не попал в неприятное положение, как она себе объясняла. На самом деле ему все равно, но муж не выносит, когда ему на вид ставят.

Так что дату ее рождения и проверять не стоит.

Но с другой стороны, запомнить новый код все же не так просто. Можно и перепутать.

По какому-то наитию Марианна набрала цифры наоборот, справа налево: 45 32.

И это сработало, дверца открылась. Марианна осветила внутрь фонариком телефона.

Какие-то бумаги, пачки наличных – рублей и евро. И сзади, за документами, она увидела коробочку. Ту самую, которую помнила еще с подросткового возраста, когда тайком примерила серьги и отец застал ее и очень сердился. Коробочку синего бархата, сильно потертого за столько-то лет.

Руки отчего-то задрожали, когда она осторожно взяла коробочку и открыла. Серьги были там. Две веточки старинной работы из белого золота, на каждой – два камня, два изумруда, один светлый, а второй, пониже – очень сочного глубокого цвета, цвета Адриатического моря в знойный полдень.

Те самые, фамильная драгоценность. Которую отец велел беречь как зеницу ока. А сам не уберег. И как они очутились в сейфе ее мужа? Неужели он как-то причастен к смерти ее отца?

От этой мысли Марианне стало плохо. Захотелось упасть тут же, на дорогой ковер, что устилает пол кабинета, и лежать там, оглохнув и ослепнув от горя.

Нет уж! Марианна потрясла головой, чтобы прийти в себя, и поняла, что надо скорее уходить. Но перед этим сфотографировала серьги на свой телефон.

Затем убрала коробочку и закрыла сейф. Потом, тщательно следя за тем, чтобы лицо ее не попало на камеру, повесила на место картину. Причем повесила намеренно криво. Пусть муж сразу узнает, что в сейфе кто-то копался. И бумаги в сейфе она переложила по-другому. Так он точно заметит, и Лизавета не отопрется. А то скажет, что картина упала и она ее просто на место повесила.

Муж, разумеется, ей не поверит, но так надежнее.

Она вышла из кабинета, переделалась в своей комнате и повесила комбинезон на место как раз вовремя, потому что в дверях заскрежетал ключ. Это водитель привез мужа.

Услышав возню и здорово пьяный голос мужа, Марианна резвой антилопой скакнула наверх и заперлась в спальне. Там она рассмотрела фотографии и убрала их подальше в «облако», чтобы никто не смог до них добраться в ее телефоне.

Потом разодрала парик на мелкие прядки и спрятала в непрозрачный пакет на самое дно шкафа, надеясь, что Лизавета туда не полезет, ей будет не до этого.

И как в воду глядела, потому что, проснувшись утром, услышала громкие крики.

Орал муж. С сильного похмелья голос был злой и хриплый. Бывало и раньше такое, тогда Марианна просто делала вид, что спит. И ждала в спальне, когда он уйдет. Сегодня же она накинула халат и босиком прокралась к лестнице, чтобы послушать.

Скандал был в самом разгаре. Басовитый рык мужа перекрывал плачущий голос Лизаветы.

– Это не я! – рыдала она. – Я ничего не трогала! Я к сейфу близко не подходила!

С непонятым удовлетворением Марианна поняла, что дело ее – труба, что муж Лизавету просто не слышит. И не отреагирует, что бы она ни говорила. Все ясно: он с утра заметил криво висящую картину, проверил камеру и узнал Лизавету в удачно замаскированной Марианне.

– Ах ты! – муж полностью перешел на мат. – Да я тебя!

– Андрей Сергеич! – воззвала Лизавета. – Христом Богом клянусь, ничего не брала у вас!

– Да еще бы ты брала! – загремел муж. – Да если бы ты взяла – я бы тебя вот сейчас на месте придушил!

– Не прикасалась я к вашему сейфу, как я туда попаду, там же код у вас!

– А вот это мне тоже несколько не интересно... – проскрежетал муж таким страшным и грозным голосом, что даже Марианне наверху стало не по себе.

– Ой! – взвизгнула Лизавета. – Андрей Сергеич, не надо! Андрей Сергеич, пожалуйста...

Марианна поняла, что пора вмешаться, а то муж в пылу скандала может горничную и побить. Это бы еще ладно, но вдруг он так разойдется, что и насмерть ужокошит. Мало ли – случайно не рассчитает силу удара, мужик он здоровый. И тогда уж случившееся не скроешь. И непонятно, как муж будет реагировать.

От уголовной ответственности уж как-нибудь отмажется, но все равно в доме будут посторонние – полиция, адвокаты...

Марианне же это совсем не нужно, это только помешает ей разобраться с мужем до конца. Вот именно: это их личное дело, его и ее. Семейное, если можно так выразиться.

Путаясь в полах длинного халата, она сбегала вниз, чтобы увидеть, как муж трясет горничную, держа буквально на весу, и воротник платья так перехватил шею, что глаза у Лизаветы уже грозят выскочить из орбит, и лицо багровое.

– Что случилось? – спросила Марианна. – Отчего такой шум?

Муж повернулся к ней, слегка ослабив хватку.

– А, это ты... да вот эта... – он смачно выплюнул неприличное слово, – в мой сейф залезла. Чего тебе там надо было? – он снова затряс ее так, что у Лизаветы лязгнули зубы. – Кто тебя нанял, говори! Сама бы ты такое не придумала!

– Андрей Сергеич! – взывала Лизавета. – Вот как перед Богом...

– У тебя что-то пропало? – спросила Марианна.

– Да вроде нет...

– А если так, то просто выгони ее и забудь.

В ее планы вовсе не входило долгое, тщательное разбирательство. Камера-то небось показывает точное время, а вдруг Лизавета со страху вспомнит, что вчера весь вечер ее не было дома. Сейчас-то муж ее слушать не станет, не в том он настроении, а потом, когда малость остынет, может и сопоставить факты.

– Пошла вон! – муж так сильно дернул воротник платья, что он оторвался. – Собрала манатки, и чтобы через десять минут духу твоего тут не было! И никаких рекомендаций ей не давай! – это он Марианне.

– А код поменяй! – сказала Марианна ему в спину.

– А то я сам не догадался! – буркнул муж. – Уж без советов твоих обойдусь.

Марианна ничуть не удивилась: такая грубость была у него в порядке вещей.

Она успела еще перехватить водителя Юру на кухне, где он пил кофе с булочками, и велела ему отвезти Лизавету до автобусной остановки на шоссе. Чтобы уволенная горничная не шлялась по поселку и не разносила сплетни.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.